

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 39, Is. 5, pp. 166–173, 2018
 DOI 10.22162/2619-0990-2018-39-5-166-173
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 398.21:821.512.3

Топоним *Алтай* в мотиве пути в эпосе монгольских народов

Людмила Санжибоевна Дампилова¹,

Евдокия Эрендженовна Хабуннова²,

Заяасурэн Чулуун³

¹ доктор филологических наук, координатор проекта, отдел фольклористики и литературоведения, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670031, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6). ORCID: 0000-0003-0917-5432. E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

² доктор филологических наук, профессор, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11). ORCID: 0000-0002-2113-6877. E-mail: khabunova@mail.ru

³ Чулуун Заяасурэн, доктор филологических наук, научный сотрудник, отдел фольклористики, Институт языка и литературы Монгольской академии наук (13330, Монголия, г. Улан-Батор, пр. Жукова, д. 54А). ORCID: 0000-0002-3245-7342. E-mail: zayasuren_ch@yahoo.com

Аннотация

В данной статье впервые в сравнительном аспекте рассматривается значение кодового слова *Алтай* в мотиве пути в эпических текстах монгольских народов. Актуальным представляется сравнительно-типологический анализ традиционных мотивов в эпосе монгольских народов для выявления сохранности и трансформации древних сюжетов и единых мотивов.

Целью работы является выявление специфики пространственного признака кодового слова *Алтай* как ключевой семантической характеристики мотива пути. Выявление функции мотива пути при помощи ключевого слова с ярко выраженным ментальным значением определяет этническую специфику эпических текстов монгольских народов.

Методы. Основным методом нашего исследования является семантико-герменевтический анализ традиционных мотивов в эпическом тексте монгольских народов. Сравнительно-типологический анализ с его методикой моделирования типовых мотивов дает возможность обобщить материал и выявить общие мотивы в эпосе монгольских народов.

Результаты. Можно констатировать, что транслируются во времени наиболее устойчивые ключевые кодовые слова, сохранившиеся в коллективной памяти обрядовых повторяющихся событий. Это касается и всего обрядового действия, связанного с почитанием священной горы Алтай. В мотиве пути ороним *Алтай* в эпосе монгольских народов однозначно обозначает свое, родное пространство, куда входят и земля, и гора. В монгольском эпосе в мотиве пути ключевое слово *Алтай* имеет наиболее широкое семантическое наполнение, в бурятских текстах более узкое употребление в формульных выражениях, и в этих случаях *Алтай* обозначает горизонтальное движение пути. В калмыцком эпосе *Алтай* употребляется чаще как сакральное пространство, и в движении пути обозначает вертикальный центр мира.

Выводы. В результате исследования мы пришли к выводу, что ороним *Алтай* как пространственный ориентир, многократно используемый в текстах, наиболее ярко высвечивает национальную специфику нарратива и уточняет традиционный мотив пути в эпосе монголь-

ских народов. В ходе анализа текстов выявлены основные инварианты мотива пути с целью военного похода или сватовства героя. Также нами уточнены варианты мотива пути: место охоты, пастбище для скота, пастбище для богатырского коня.

Ключевые слова: эпос, мотив, инвариант мотива, Алтай, пространство, сакральный locus, формула

В данной статье впервые в сравнительном аспекте рассматривается значение кодового слова «Алтай» в мотиве пути в эпических текстах монгольских народов. В современной отечественной фольклористике актуальным представляется компаративистский анализ традиционных мотивов с ключевыми формульными выражениями в эпосе монгольских народов для выявления сохранности и трансформации единых мотивов в разных локальных традициях. Целью работы является выявление специфики пространственного признака кодового слова *Алтай* как ключевой семантической характеристики мотива пути. Выявление функции мотива пути при помощи ключевого слова с ярко выраженным ментальным значением определяет этническую специфику эпических текстов монгольских народов. Основным методом нашего исследования является семантико-герменевтический анализ традиционных мотивов в сравнительном аспекте. «Первичной единицей при анализе мотива выступает не мотив как таковой (который является обобщенной единицей повествовательного языка), а его событийные реализации, или события, взятые в фабульно-сюжетных контекстах конкретных нарративов» [Силантьев 2004:126].

Тюркологи и монголоеды лексическое значение слова *алтай* определяли как 'пестрые горы', 'возвышенность', 'высокие горы', 'золотоносные горы'. В словаре непереведенных слов М. А. Демчикова отмечает широкое значение этого слова в алтайском языке: «Алтай — нарицательное слово, обозначающее какую-либо землю или местность» [Алтайские народные сказки 2016: 186]. Как в дальнейшем будет сказано, в этом значении слово зачастую употребляется и в фольклоре монгольских народов. Коннотативное значение подобных ключевых слов отображает древние этнические связи, сохранившиеся в локальной традиции. Следует при этом подчеркнуть, что «... коннотативная система есть система, план выражения которой сам является знаковой системой» [Барт 1975: 157]. Думается, что

формульные выражения со словом-знаком *Алтай* сохранились с общего тюрко-монгольского периода почти с неизменным семантическим составляющим. В мифологическом аспекте «алтайцы полагали, что окружающий их мир, Средний мир, населен духами и божествами, не имеющими такого значения, как Ульген и Эрлик. Дух неба именовался ими *кудай*, а дух земли — *дьерсуу* или *алтай*» [Пушкарева, Бурыкин 2011: 19]. Как и в алтайской мифологии, в монгольской устной традиции это слово обозначает именно землю, а в семиотическом аспекте — дух родной земли.

Вслед за обрядовыми традициями в эпической традиции почитаются мифологические и реальные географические объекты. В монгольской эпической традиции сакральная семантика оронима Алтай диктует особые правила ритуальных действий. Перед началом исполнения эпоса монгольские сказители поют вступительный гимн с восхвалением сакральной территории Алтай. Гимн «Восхваление Алтая» халхаские, баянские, дербетские, торгутские, захчинские, олётские и урянхайские сказители исполняют каждый по своим особым традициям, следуя тем обрядовым действиям, которые проводятся как обязательный ритуал восхваления возвышенностей как связующего звена с верхним небесным миром.

Прямым продолжением ритуального происхождения обряда почитания гор можно считать как предварительные гимны восхваления Алтая в эпических текстах, так и формульные выражения, связанные с темой Алтая, в которых «смутно ощущался еще не полностью выветрившийся аромат ее былой роли» [Лорд 1994: 103].

Из многочисленных исследований зарубежных и отечественных ученых по теории мотива в фольклорном повествовании в нашей работе мы придерживаемся точки зрения Б. Н. Путилова: «мотив есть не только элемент, слагаемое, конструирующее сюжет. В известном смысле эпический мотив программирует и обуславливает сюжетное развитие. В мотиве, так или иначе, задано

это развитие. Мотив обладает моделирующими качествами» [Путилов 1975: 149].

Мотив как предикат тесно связан с главным героем эпоса, с пространством и временем, в котором он активно действует. Как отмечает И. В. Силантьев, «хронотоп, если под ним вслед за М. М. Бахтиным понимать сюжетогенное сочетание художественного времени и пространства, также обнаруживает структурную и функциональную близость к мотиву» [Силантьев 2009: 14]. В эпосе отличающим маркером пространственных передвижений героя является алтайский локус, имеющий как реальные, так и мифологические черты.

В бурятских текстах по ходу повествования данный ороним встречается с одним постоянным эпитетом 'великий' в разных вариациях. В монгольских текстах Алтай обозначен множеством эмоционально-ласкательных эпитетов: *Ийм л сайхан баян / Хүдэр, хүрэн / Хан Алтай Хангай / Хоёр нутаг минь* 'Такие красивые богатые / Мощные, темные / Хан Алтай Хангай / две родины мои' [Алтай Хангайн магтаал 2013: 12].

Как постоянные эпитеты также используются прилагательные 'ценный', 'седой', 'широкий', 'привольный', 'бережливый'. Они характеризуют Алтай как с реальной, так и сакральной точки зрения, при этом наравне с реальным топонимом обязательно подразумевается и его мифологический хозяин. Необходимо отметить, что даже на уровне эпитетов в монгольских текстах Алтай как ориентир пути показан красочно и зримо. В мотиве пути это ключевое слово в первую очередь подчеркивает свое реальное пространство проживания. В развитии сюжета актуальное смысловое значение имеет мотив движения из алтайского или в сторону алтайского пространства.

В эпосах основные сюжетообразующие мотивы пути, связанные с оронимом Алтай, обозначают военный поход героя или поход с целью сватовства. И в этом походе собственное алтайское пространство противопоставляется чужому топосу: *Алтай өргөн нутгаасаа / Асар их хол газар гарч* 'Из привольных алтайских кочевий / Отправился в очень далекие земли' [Ойрад монголын ... 2011: 172].

В мотиве пути значимый ороним обозначает границу своего локуса, богатырь в итоге всегда возвращается в родное пространство. С оронимом Алтай тесно связано число тринадцать как один из марке-

ров сакрального локуса. В повествовании трафаретно идет характеристикой к Алтаю цифра тринадцать, в бурятских текстах упоминаются тринадцать маралов с алтайских пастбищ, дружащие с богатырским конем. В халхаском эпосе «Наран хан молодец» (*Наран хаан хөвүүн*) описаны тринадцать горных вершин: *Алтайн аянаа шар л замданы ороод / Ар талын арван гурван цаст л / Өндөр уулыг тэмцээд гардгийн энэ* 'В пути на Алтайскую желтую дорогу перейдя, / С северной стороны с тринадцатью снежными вершинами гору достойно преодолевал' [Наран хаан хөвүүн 2013: 107]. В первую очередь необходимо отметить, что гора Алтай только в монгольском эпосе используется как подлинный топоним, в свободном пересказе по ходу повествования он меняет свои очертания. Также в мотиве пути герой не только ориентируется на невидимый образ родины Алтай, но и путешествует по реальным горным массивам.

Хотя слово Алтай превалирует в эпических текстах, но зачастую встречается развернутая формула: *Алтай дайдая арааран, / Хүхэй дайдая хүбшөөрэн* 'По северной стороне Алтая, / По южной стороне Хухэя' [Еренсей 1968: 13]. Если в бурятских эпосах упоминаются только Алтай и Хухей, то эпосы других монгольских народов содержат и третий традиционный ороним — Хангай. Так, в эпических текстах ойратов говорится: *Алтай алтан сүмбэр уултай юм гэнэ / Хангай зүгийн / Хар шар адуутай юм гэнэ* 'На Алтае имеется гора Сумеру, говорят, / На Хангае черные и желтые табуны пасутся, говорят' [Ойрад монголын 2011: 30]. Хотя все три оронима в эпических текстах чаще равнозначно представляют реальную и сакральную родину героя, в монгольских вариантах Алтай может обозначать горную часть, а Хангай — степные просторы. По всей видимости, подлинные топонимы накладываются на традиционную древнюю формульную константу.

При описании мотива с учетом его дихотомической природы в работе выявляются его основные инварианты с точки зрения частотности вариантов по отношению к его инварианту [Силантьев 2009: 22]. Имея в виду особенности эпического мотива, по И. В. Ершовой, мы также утверждаем: «У каждого мотива в отдельной национальной традиции формируется некоторое количество вариантов-воплощений, которые непременно возникают во всяком эпическом

сюжете, дополняя основной сюжетобразующий мотив» [Ершова 2017: 18].

В данной работе наряду с общемировыми повторяющимися мотивами выявляются традиционные только для эпоса монгольских народов инварианты и варианты мотивов. Одним из традиционных инвариантов мотива, связанным с оронимом Алтай, является поход героя в горы. В пространственной схеме фабульного события, уточняя значение инварианта, мы используем вариативные формулы. В инварианте мотива пути в горы выявлено три варианта. В первом случае, если герой едет на охоту, в смысловом аспекте актуализируется формула: *Алтай мэни анхан / Сохо хорхой дли / Бисалажа ябагша блэй* 'Звери на одном Алтае, / Словно черви и жуки, / Кишмя они кишели' [Еренсей 1968: 31].

Во втором случае, если герой едет смотреть свои пастбища, то употребляется константа: *Арбан минган адууниин, / Хорин минган үхэрийн / Алтайн арбан гурибадан / Атарлажа бэлийжэ ябаба лэ* 'Десять тысяч табунов, / Двадцать тысяч скота / В десяти алтайских нагорьях / Привольно пасутся' [Абай Гэсэр 1995: 146]. И в третьем случае горное пространство Алтая маркируется как сакральное пространство, куда герой выпускает богатырского коня: *Одоо Алтай ехэ дайдадаа / Атар таргай таргалыт!* 'Теперь на Алтае, / обширной земле, / жиру нагуляйте!' [Еренсей 1968: 13]. Итак, прослеживаются характерные для эпических текстов, не выходящие за пределы основного инварианта вариации с уточняющим обстоятельством — ключевым словом Алтай. И это ключевое слово встречается только в эпосе тюрко-монгольских народов, выделяя вариант мотива как принадлежащий одной этнической традиции.

В эпосе монгольских народов не менее значимо, что алтайское пространство является маркером мифологического пространства. Двойственность значения оронима Алтай как сакральной и реальной территории проявляется в пространственно-временных координатах, и на коннотативное значение мотива пути героя влияет мифологический компонент оронима Алтай. Восхваление сакрального пространства предполагает его чудодейственные свойства: *Хуурай сайрнаас ус нь урсаад байдаг Алтай гэнэ* 'Из сухих камней вода течет на Алтае, говорят' [Монгол ардын ... 1982: 41]. Земля, где рождается эпический герой, приобретает черты

вечно существующего края с бесконечным временем и пространством. «Вообще применительно к наиболее сакральным ситуациям (а только они и образуют уровень высшей реальности) пространство и время, строго говоря, неотделимы друг от друга, они образуют единый пространственно-временной континуум» [Топоров 1983: 230].

В сюжете эпического повествования многократно повторяющаяся формула «великая земля Алтая» «в зависимости от контекста может менять свою семантику, фиксируя обобщенное пространство вселенной, всей земли, отдельного родного края, государства, горного массива» [Дампилова 2018: 178].

При сравнении бурятских и монгольских текстов мы пришли к выводу, что ключевое слово Алтай в бурятском эпосе используется более статично без конкретных реалий как родина героя, горный массив для охоты и пастбища для богатырского коня, скота. Необходимо отметить, что ороним Алтай сохранился в бурятском эпосе в основном в формульном варианте, и эти несколько формул используются в неизменном виде в ходе всего повествования.

В монгольских эпических текстах кодовое слово, употребляясь и в этих значениях, применяется намного шире и вне формульных клише. Алтай со всеми пространственными ориентирами разнообразно представлен как конкретное место проживания главного героя эпосов, чаще во вступительной части повествования красочно описаны достопримечательности края во все четыре времени года. Например, в халхаском эпосе «Алтан Гургалдай» ключевое слово используется как гора в родном краю: *Замбуутивийн амьтныг болгоохоор / Алтай сүмбэр уулынхаа орой дээр гарав гэнэ* 'Чтобы обозреть живых существ вселенной / На вершину Алтая Сумбэр горы взобрался он' [Халхтууль 2013: 30].

Во многих эпосах монгольских народов в мотиве пути по ходу повествования главный герой поднимается на вершину Алтая, чтобы наблюдать все четыре стороны света. Стоит обратить внимание, что в мотиве пути гора является маркером основной точки отсчета, откуда постоянно герой определяет свой путь продвижения. В халхаском эпосе интересно, что реальная гора Алтай как бы соединяется с мифологической горой Сумбэр, хотя в других текстах часто вселенская гора Сумбэр находится именно

на площади Алтая, представляющей земное пространство.

В калмыцких эпических текстах анализируемый ороним зачастую употребляется как эфемерный сакральный центр без конкретных действий в сюжете повествования, в нем, скорее всего, подразумевается родное пространство эпических героев «Джангара»: *Хандиг Алтн уулын наадъ бийе / Узенгшин ончн Жаңһър гижн бээдег* 'По сю стороны гранитного Алтая пребывает Узюнга единственный сын, Джангар — его имя' [Джангар 1999: 178]. Стоит обратить внимание на эпитет 'гранитный', трафаретно употребляемый со словом Алтай в калмыцком варианте эпоса. По сравнению с монгольскими эмоционально-красочными эпитетами гора Алтай в данном случае приобретает оттенок далекого, недоступного пространственного ориентира. Возможно, и поэтому в эпическом тексте Алтай часто фиксируется как пограничный локус: *Хандиг Алтн улан давад / Чиг зүг уга жиңнине* 'Через гранитный Алтай свой перевалил / И исчез без следа и примет' [Джангар 1999: 178]. Для эпических текстов характерно привлечение образов мифологических персонажей или объектов при сравнении мощи или красоты героя. Недостигаемый образ гранитного Алтая как пример для сравнения еще раз подчеркивает его мифологическую отдаленность: *Гэгэндни үүле бэрме / Гэрелдени аду манмь / Харх нарни сүүре дармь / Ганьдиг Алтн ишлиин цогта* 'В сиянии её красоты шитьем и вышивкой заняться возможно, / В свете её красоты табуны стеречь возможно, / Сияющее величие её подобно гранитной громаде Алтая' [Джангар 1999: 80].

Образ Алтая в калмыцкой эпической традиции выглядит наиболее отстраненным, мифологическим сакральным локусом, явно не прописывается как конкретное видимое пространство. Если в бурятских текстах в мотиве пути ороним сохранился как маркер реального отсчета пути героя, то в монгольских повествованиях употребляется в широком аспекте с разных позиций. В бурятской и монгольской традиции Алтай представляет горизонтальный путь, постоянное место пребывания героя. В калмыцком нарративе ключевое слово скорее является обозначением мифологического эпического локуса, ассоциируемого «как ось, соединяющая три мира: верхний, средний и нижний; как пограничный локус, куда устремляется богатырь от погони; как

сакральное место, где смертельно раненый богатырь должен достойно принять смерть, как идеал совершенства» [Хабунова, Гедеева, Убушиева 2018: 248].

Итак, можно констатировать, что транслируются во времени наиболее устойчивые ключевые кодовые слова, сохранившиеся в коллективной памяти обрядовых повторяющихся событий. Это касается и всего обрядового действия, связанного с почитанием священной горы Алтай: «Наиболее существенные для жизни коллектива прецеденты, определяющие соответственно ключевые ситуации, воспроизводились в обряде» [Байбурин 2005: 15]. Сакральные обрядовые объекты переходят в эпические и другие фольклорные тексты, выявляя этнически ценные архетипы.

В итоге исследования приходим к выводу, что ороним Алтай как пространственный ориентир, многократно используя во всех текстах, наиболее ярко высвечивает национальную специфику нарратива и уточняет традиционный мотив пути в эпосе монгольских народов. В мотиве пути ороним Алтай однозначно обозначает свое родное пространство, куда входят и земля, и гора. В монгольском эпосе ключевое слово имеет наиболее широкое семантическое наполнение, в бурятских текстах наблюдается более узкое использование в формульных выражениях, и в этих случаях Алтай чаще обозначает горизонтальное движение в пути. Но также ороним Алтай в эпосе монгольских народов в мотиве пути может обозначать срединный мир во вселенной. В калмыцком эпосе Алтай употребляется чаще как сакральное пространство и в движении пути обозначает вертикальный центр мира. В ходе анализа текстов выявлены основные инварианты мотива пути с целью военного похода или сватовства героя. Также нами уточнены варианты мотива пути: место охоты, пастбище для скота, отдых для богатырского коня.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Аннотированный каталог традиционных мотивов эпоса монгольских народов» № 18-512-94006 МОКНМ_а.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Абай Гэсэр 1995 — Абай Гэсэр Богдо хаан. Улан-Удэ: Респ. типография, 1995. 519 с.

- [*Abay Geser Bogdo khaan* [Abay Gesar Bogdo Khan]. Ulan-Ude: Republ. Typography, 1995. 519 p. (In Rus. and Bur.)]
- Алтайские народные 2016 — Алтайские народные сказки / сост. М. А. Демчикова. Горно-Алтайск: ООО «Горно-Алтайская типография», 2016. 352 с. [*Altayskie narodnye skazki* [Altaian folk tales]. M. A. Demchikova (comp.). Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskaya Tipografiya, 2016. 352 p. (In Alt. and Rus.)]
- Байбурин 2005 — *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. 2-е изд., испр. М.: Языки славянской культуры, 2005. 224 с. [Bayburin A. K. *Zhilishche v obryadah i predstavleniyah vostochnykh slavyan* [The dwelling in rituals and beliefs of East Slavs]. 2nd ed., rev. M.: Yazyki Slavyanskoy Kul'tury, 2005. 224 p. (In Rus.)]
- Барт 1975 — *Барт Р.* Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 114–163. [Bart R. Fundamentals of semiology. *Strukturalizm: "za" i "protiv"*. Moscow: Progress, 1975. Pp. 114–163. (In Rus.)]
- Дампилова 2018 — *Дампилова Л. С.* Семантика этноментальных оронимов в эпосе монгольских народов // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 1. С. 175–180. [Dampilova L. S. Semantics of ethnomental oronyms in epos of the Mongolian people. *Gumanitarnyi vektor*. 2018. Vol. 13. No. 1. Pp. 175–180. (In Rus.)]
- Джангар 1999 — *Джангар.* Малодербетовская версия / сводн. текст, пер., вступит. ст., коммент., словарь А. Ш. Кичикова. Элиста: КалмГУ, 1999. 272 с. [*Dzhangar. Maloderbetovskaya versiya* [*Jangar: the Baya Dorbet version*]. A. Sh. Kichikov (comp., introd., etc.). Elista: Kalmyk State Univ., 1999. 272 p. (In Kalm. and Rus.)]
- Еренсей 1968 — *Еренсей* / подготовка текста, пер. и примеч. М. Н. Хомонова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. 207 с. [*Erensey*. M. N. Homonov (prep., transl., etc.). Ulan-Ude: Buryat. Book Publ., 1968. 207 p. (In Bur. and Rus.)]
- Ершова 2017 — *Ершова И. В.* К толкованию эпического мотива (постановка проблемы) // Новый филологический вестник. 2017. № 2(41). С. 18–20. [Ershova I. V. To the issue of epic motive. *Novyi filologicheskiy vestnik*. 2017. No. 2 (41). Pp. 18–20. (In Rus.)]
- Лорд 1994 — *Лорд А. Б.* Сказитель. Пер. с англ. и коммент. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона; послесл. Б. Н. Путилова. М.: Вост. лит., 1994. 368 с. [Lord A. B. *Skazitel'* [The Taleteller]. Yu. A. Kleiner, G. A. Levinton (transl., comment.); B. N. Putilov (epilogue). Moscow: Vostoch. Lit., 1994. 368 p. (In Rus.)]
- Путилов 1975 — *Путилов Б. Н.* Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору: сборник статей памяти В. Я. Проппа (1895–1970) / сост. и ред. С. Ю. Неклюдов, Е. М. Мелетинский. М.: Наука, 1975. С. 141–156. [Putilov B. N. The motif as a plot-forming element. *Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru*. Coll. papers to commemorate V. Ya. Propp (1895–1970). S. Yu. Neklyudov (comp., ed.), E. M. Meletinsky. Moscow: Nauka, 1975. Pp. 141–156. (In Rus.)]
- Пушкарева, Бурыкин 2011 — *Пушкарева Е. Т., Бурыкин А. А.* Фольклор народов Сибири (культурно-антропологические аспекты). СПб.: Петербургское востоковедение, 2011. 390 с. [Pushkareva E. T., Burykin A. A. *Fol'klor narodov Sibiri (kul'turno-anthropologicheskie aspekty)* [Folklore of Siberian peoples: cultural and anthropological perspectives]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2011. 390 p. (In Rus.)]
- Силантьев 2004 — *Силантьев И. В.* Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с. [Silantiev I. V. *Poetika motiva* [Poetics of a motif]. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kul'tury, 2004. 296 p. (In Rus.)]
- Силантьев 2009 — *Силантьев И. В.* Сюжетологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2009. 224 с. [Silantiev I. V. *Syuzhetologicheskie issledovaniya* [Studies of plots and typology]. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kul'tury, 2009. 224 p. (In Rus.)]
- Топоров 1983 — *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284. [Toporov V. N. Space and the text. *Semantika i struktura*. Moscow: Nauka, 1983. Pp. 227–284. (In Rus.)]
- Хабунова, Гедеева, Убушиева 2018 — *Хабунова Е. Э., Гедеева Д. Б., Убушиева Б. Э.* Топонимы в фольклорном контексте калмыков [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018. № 3. С. 242–258. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/800> (дата обращения: 28.10.2018). DOI: 10.25178/nit.2018.3.16 [Khabunova E. E., Gedeeva D. B., Ubushieva B. E. Toponyms in the Kalmyk folklore. *Novye issledovaniya Tuvy*. 2018. No. 3. Pp. 242–258. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: 28 October 2018). (In Rus.)]
- Алтай Хангайн магтаал 2013 — *Алтай Хангайн магтаал* // Монгол тууль–I. Ред. Д. Цэрэнсодном. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг ХХК-д

- хэвлэл, 2013. X. 5–20. [Praising the Altai and Khangai. *Mongol tuul*–I. D. Tsehrensodnom (ed.). Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2013. Pp. 5–20. (In Mong.)]
- Монгол ардын ... 1982 — Монгол ардын баатарлаг тууль. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1982. 166 х. [*Mongol ardyn baatarlag tuul*] [The Mongolian heroic tale]. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1982. 166 p. (In Mong.)]
- Наран хаан хөвүүн 2013 — Наран хаан хөвүүн // Монгол тууль–I. Ред. Д. Цэрэнсодном. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг ХХК-д хэвлэл, 2013. X. 189–247. [The little Naran Khaan. *Mongol tuul*–I. D. Tserensodnom (ed.). Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2013. Pp. 189–247. (In Mong.)]
- Ойрад монголын ... 2011 — Ойрад монголын баатарлаг тууль (Баяд, дөрвөд, торгууд, захчин, урианхай тууль). Улаанбаатар: Арвай Бархан ХХК-д хэвлэл, 2011. 444 х. [*Oirad mongolyn baatarlag tuul*] [The Oirat-Mongolian heroic tale]. Ulaanbaatar: Arvay Barkhan, 2011. 444 p. (In Mong.)]
- Халх тууль 2013 — Халх тууль. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг ХХК-д хэвлэл, 2013. 408 х. [*Khalkh tuul*] [The Khalkha (Mongolian) tale]. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2013. 408 p. (In Mong.)]

UDC 398.21:821.512.3

The Epic Tradition of Mongolic Peoples: Toponym '*Altai*' in the Motif of the Way

Liudmila S. Dampilova¹,
Evdokiya E. Khabunova²,
Chuluun Zaayaasuren³

¹ Ph.D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Project Coordinator, Department for Folklore and Literary Studies, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova Str., Ulan-Ude, 670031, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-0917-5432. E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

² Ph.D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Professor, Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin Str., Elista, 358000, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-2113-6877. E-mail: khabunova@mail.ru

³ Ph.D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Research Associate, Department for Folklore Studies, Institute of Language and Literature, Mongolian Academy of Sciences (54A, Zhukov Avenue, Ulaanbaatar, 13330, Mongolia). ORCID: 0000-0002-3245-7342. E-mail: zayasuren_ch@yahoo.com

Abstract

Introduction: Comparative analysis of traditional motifs with key formulaic expressions in the Mongol epos to identify the preservation and transformation of a single motif found in different local traditions is urgently important to modern national folklore studies. The article for the first time ever examines the meaning of the code word *Altai* in a motif of the way within the Mongolic epic texts in a comparative context. In the Mongolic epic tradition, the sacred semantics of the oronym Altai predetermines some special rules for the execution of texts.

Goals: The work aims to reveal the specificity of the spatial characteristic of the *Altai* code word as a key semantic characteristic of the motif of way. The disclosure of the function of the motif of the way with the help of one spatial thematic image *Altai* as a repetitive and constant formula determines the ethnic specificity of the Mongolic epic texts. Connotative meanings of such key words reflect the cultural traditions of society. The paper suggests that formulaic expressions with the word-sign *Altai* have been preserved since the common Turco-Mongolian period almost with the same semantic components.

Methods: The paper presents an analytical description of the traditional motif in the epic text from a semantic perspective with due account of the intertextual nature of the motif. The comparative and typological analysis with a certain technique of modeling standard motives gives the chance to generalize the material and to reveal the general motifs in the Mongol epos.

Results: The motif as a predicate is closely connected with the *actant* (the hero and related characters of the narrative) and spatio-temporal features. Describing the motif based on its dichotomous nature, the paper reveals the main invariants and variants of the motif. In the spatial scheme of the plot event, specifying the value of the motif, variable formulas are used. The study concludes that the oronym *Altai* — as a spatial reference point repeatedly used in all texts — most clearly illumines the national specificity of the narrative and clarifies the traditional motif of the way in the epic of the Mongolian peoples. The oronym *Altai* retaining a common semantic area in the Mongolic epic patterns (in the motif of the way) identifies their native environment. In this context, the key word *Altai* has a widest semantic content; still, in the Buryat texts there is a narrower use in formula expressions, and in these cases *Altai* more often denotes horizontal movement. But the oronym can also mean the ‘middle world’ of the universe. In Kalmyk epic texts, the key word *Altai* is often used as an ephemeral sacred space without specific actions in the plot of the narrative, it most likely implies the native environment of the epic heroes of *Jangar*, and describing movement (the way) it denotes the vertical center of the world.

Conclusions: The analysis of the texts reveals the main invariants of the motif of the way for the purpose of military campaigns or matchmaking activities of the hero. The paper also specifies some variants of the motif of the way: a place of hunting, pasture for cattle, pasture for the hero’s horse.

Keywords: epic, motif, invariant of the motif, Altai, environment, sacral locus, formula